

Шхачемуков Рустам Махмудович

**ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В АДЫГЕЕ
(середи́на XVIII - 80-е гг. XX вв.)**

Специальность 07.00.09 – историография, источниковедение и методы
исторического исследования

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Майкоп - 2015

Диссертация выполнена на кафедре Отечественной истории, историографии,
теории и методологии истории
ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет»

Научный руководитель:

Почешхов Нурбий Асланович
доктор исторических наук, доцент

Официальные оппоненты:

Василенко Виктория Валерьевна
доктор исторических наук, доцент
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский
федеральный университет», зав. кафедрой
культурологии и искусств Гуманитарного
института (г. Ставрополь)

Поташев Александр Федорович
доктор исторических наук, профессор,
ЧОУ ВО «Ростовский институт защиты
предпринимателя», профессор кафедры
таможенного дела (г. Ростов-на-Дону)

Ведущая организация:

ФГАОУ ВПО «Южный федеральный
университет» (г. Ростов-на-Дону)

Защита состоится «26» июня 2015 г. в 12.00 на заседании
Диссертационного совета ДМ 212.001.08 по историческим наукам
Адыгейского государственного университета по адресу: 385000, Республика
Адыгея, г. Майкоп, ул. Жуковского, 15, конференц-зал (ауд. 213).

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке и на
сайте ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет»
www.adugnet.ru. Текст автореферата также размещен на сайтах ВАК РФ
<http://vak.ed.gov.ru>; ФГБОУ ВПО «Армавирская государственная педагогическая
академия» www.agpu.net; ФГБОУ ВПО «Карачаево-Черкесский
государственный университет им. У.Д. Алиева» <http://kchgu.ru>

Автореферат разослан «__» мая 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук,
доцент

В.Н. Мальцев

Общая характеристика работы

Актуальность исследуемой проблемы. В последние десятилетия в российской исторической мысли заметно вырос интерес к историографическим проблемам. Объясняется это явление общим «ускорением» процесса развития исторической науки, объемом и разнообразием накопленных исторических и историографических источников, устойчивым интересом историков к теоретико-методологическим проблемам, общественной заинтересованностью в результатах исследовательской практики.

В сложившейся структуре научного исторического знания особое место занимает историография народов отдельных административно-территориальных образований, к которым с полным основанием может быть отнесена Республика Адыгея. Историография подобного уровня является одним из важных маркеров, отражающих тенденции и особенности развития российского кавказоведения.

Процесс становления исторического знания в Адыгее не только по времени совпал с вхождением Северного Кавказа в состав России, но и отражает своеобразную модель развития исторического знания, в основе которой лежат общероссийские процессы, модифицированные с учетом особенностей исторического развития народов и позитивного опыта его анализа историками.

Данная диссертационная работа нацелена на анализ работ по истории народов Адыгеи, созданных на протяжении более чем двухсот лет, что позволяет обратиться к накопленному опыту, обобщить достигнутые успехи, выявить слабые места и наметить перспективные исследовательские направления, способные повысить научный уровень существующего знания, его роль в формировании массового исторического сознания, то есть решить главные задачи, определяющие смысл и назначение историографического познания.

Степень изученности проблемы. Исходя из историографической

направленности диссертационной работы важно обратить внимание на некоторые принципиально значимые моменты. Учитывая объем и характер накопленных историографических источников, в работе предлагается периодизация развития исторического знания в Адыгее, в основе которой лежит проблемно-хронологический принцип, позволяющий «организовать», выявленный материал, проанализировать процесс развития историописаний от момента зарождения, выделив наиболее важные этапы, осмыслить их «вписанность» в историческое время, культурную и интеллектуальную среду в целом и конкретного национального образования в частности.

Принципиальное значение для исследования историографических проблем имело обращение к трудам по вопросам теории и методологии истории¹. Современные подходы к формированию теоретико-методологических оснований истории привели к усилению интереса к проблемам историографии, обусловив динамику развития исторического знания.

Особое значение, учитывая хронологию диссертационной работы, имели исследования по советской историографии, основным этапам ее развития². В научном сообществе утверждается точка зрения, относительно

¹ Сахаров А.Н. Методология истории и историография. М., 1981; Источниковедение. Теория истории. Методология. Учебное пособие / Данилевский И.Н., и др. М., 1998, 2000; Коломийцев В.Ф. Методология истории (от источника к исследованию). М., 2001; Бориснёв С.В. Современные проблемы теории и методологии исторического исследования // Армия и общество. 2010. № 3.

² Найденов М.Е. Проблемы периодизации советской исторической науки // История СССР. 1961. № 1; Игнатенко Т.А. Проблемы научной периодизации отечественной историографии в советской исторической науке // История и историки. М., 1981; Историография истории СССР (эпоха социализма): Учебник / Под ред. И.И. Минца. М., 1982; Советская историография / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996; Историческая наука России в XX веке. М., 1997; Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997; Очерки истории исторической науки XX века. Омск, 2005; Современная российская историография / Под ред. В.И. Меньковского. В двух частях. Ч. 1, 2. Минск, 2009.

Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860–1990-е годы). М., 1999. С. 15; Кобахидзе Е.И. Осетия в системе государственно-административного управления Российской империи (последняя четверть XVIII – конец XIX в.): историко-этнологический

смысла формулировки «феномен советской историографии» не только подчеркивающей негативный смысл данного этапа развития исторической науки, но и позитивность достигнутых результатов³.

Весьма полезным для осмысления теоретических оснований стало изучение работ, в которых ставится вопрос об актуальных направлениях развития кавказоведения, новых методологических подходах, достижениях и недостатках использования исследовательских методов⁴. В некоторых из них нашел отражение процесс развития исторического знания Адыгее.

Позитивную роль сыграло обращение к библиографическим работам, посвященным жизни авторов трудов по истории Адыгеи. В них, как правило, содержатся данные о творческом процессе, об изменениях в социальном положении, образовании разных поколений историков⁵. В этом

анализ. Владикавказ, 2003. С. 6–8; Блиева З.М. Указ. соч. С. 1-15; Муратова Е.Г. Указ. соч. 44–53 и др.

³ Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996; Почешхов Н.А. Гражданская война на Кубани 1917-1921 гг. Проблемы теории и методологии. Майкоп. 2006.

⁴ Аникеев А.А., Лубский А.В. Теоретические поиски в современной исторической науке и проблемы изучения истории Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. 1997. № 3; Шеуджен Э.А. Проблемы местной истории в новой историографической перспективе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1997. № 4; ее же. Проблемы северокавказской историографии // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы I съезда ученых-кавказоведов (27–28 августа 1999 г.) / Под ред. В.Г. Игнатова. Ростов н/Д., 2000; Боров А.Х. Национальные истории народов Северного Кавказа: проблемы концептуализации // Вестник КБГУ. Серия Гуманитарные науки. Вып. 9. Нальчик, 2004.; его же. К обновленной концепции национальной истории: историографические итоги и перспективы // Исторический вестник. Вып. I. Нальчик, 2005; Кузьминов П.А. Кавказоведение на грани веков // Кавказоведение: опыт исследований. Материалы международной научной конференции (Владикавказ, 13–14 октября 2005 г.) / Отв. ред. А.Г. Кучиев. Владикавказ, 2006; Булыгина Т.А. История Северного Кавказа: новые исследовательские подходы // Там же; Османов А.И. Постсоветское время и некоторые актуальные проблемы изучения истории Дагестана // Там же; Черноус В.В. Интеграционные традиции и перспективы отечественного кавказоведения // Там же; Виноградов В.Б. Современные аспекты российского кавказоведения. (Мозаика новейших публикаций). Москва; Армавир, 2007 и др.

⁵ Хашхожева Р.Х. Адыгские просветители второй половины XIX – начала XX в. Нальчик, 1983.

плане особое значение имеют материалы научных конференций, «круглых столов», чтений, посвященных их творческой жизни⁶.

Несмотря на интерес к проблемам историографического плана, до настоящего времени так и не были созданы специальные обобщающие работы, в которых на теоретико-методологическом уровне осмысливалась бы практика историописаний в Адыгее. Однако в динамичном развитии науки в Адыгее были заложены предпосылки для разработки конкретно-исторических проблем на уровне историографического анализа⁷.

Объектом исследования является сложный, противоречивый процесс развития исторического знания о прошлом как объективной реальности, изменения подходов к осознанию процесса развития историографии под влиянием социально-экономических, политических и идеологических условий.

Предметом исследования стал комплекс историографических фактов и источников, отражающих процесс становления и развития исторического знания в Адыгее почти за двухсотлетний период: динамику научной проблематики, источниковой базы, исследовательских методов и теоретических представлений.

⁶ Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету. Исторические чтения 28 марта 2012 г. / Ред. Э.А. Шеуджен. Отв. за вып. Н.А. Почешхов. Майкоп, 2012.

⁷ Шеуджен Э.А. Советская историография национально-культурного строительства на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 1983; Цикушева С.Я. Адыгская историография XIX в.: осмысление географического фактора в истории // Вопросы теории и методологии истории. Сб. науч. тр. Вып. 4. Майкоп, 2003; Цикушева С.Я. Становление исторического знания на Северо-Западном Кавказе (первая половина XIX в.) // Наука. Образование. Молодежь. Материалы научн. конференции молодых ученых АГУ (6 февр. 2004 года). Том 1. Майкоп, 2004; Цикушева С.Я. Уровень исторического знания об адыгах (XVIII – первая половина XIX вв.) // История науки и техники. М., 2006. № 7; Цикушева С.Я. Становление адыгской историографии (первая половина XIX в.): Ш. Ногмов и Хан-Гирей. Майкоп, 2008; Цикушева С.Я. Уровень накопления знаний о народах Северо-Западного Кавказа в античный и средневековый период // Сборник материалов, науч. статей национального музея Республики Адыгея. Вып. 1. Майкоп, 2010; Кошокова С.Я. Античные и средневековые авторы о народах Северо-Западного Кавказа: историографический аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Вып. 3 (64). Майкоп, 2010; Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. Ставрополь, 2011.

Целью предлагаемого исследования стало изучение общего и особенного в сложном процессе становления и развития исторического знания в Адыгее как особой модели перехода от бесписьменной к письменной традиции и выхода на современный уровень историографической исследовательской практики.

Достижение поставленной цели реализуется через решение следующих задач:

- обосновать основные этапы историографического процесса, его содержание и особенности;
- осмыслить процесс смены исторических концепций и влияние концептуальных изменений на состояние исторического знания;
- сформулировать теоретико-методологические основания изучения проблем истории на уровне полиэтнических образований;
- проанализировать проблематику научных исследований, сконцентрировав внимание на нерешенных и дискуссионных вопросах;
- определить изменения, произошедшие в источниковой базе анализируемых работ, наметив перспективы расширения;
- выявить возможности развития новых модернистских направлений в развитии исторического знания;
- рассмотреть организацию научных исследований, ее воздействие на интенсивность и содержание исследовательского процесса.

Хронологические рамки данного исследования охватывают середину XVIII - 80-гг. XX вв. Выбор начальной даты обусловлен появлением первых работ посвященных истории адыгов. Конечная грань связана с последними по времени публикациями советского периода, основанными на марксистской методологии. Целесообразным, отражающим структуру и логику развития исторического знания в Адыгее, стало деление историографического процесса на периоды и этапы. Их анализу посвящен специальный раздел диссертационной работы.

Территориальные рамки исследования охватывают с большой долей условности работы по истории народов Северо-Западного Кавказа, территорию, в разные периоды носившую различные названия с точки зрения территориально-административного статуса⁸.

Источниковая база диссертации. Исходя из направленности диссертационной работы источниковую базу составляют историографические источники: обобщающие труды, монографии, статьи, доклады, сообщения и тезисы конференций, рецензии, диссертационные работы по истории Адыгеи. По видовой характеристике привлеченные источники представляют научную, научно-популярную, мемуарную, биографическую, краеведческую, учебную и справочную литературу.

В процессе историографического анализа особое значение имели обобщающие работы⁹, дающие представления о достигнутом уровне познания истории Адыгеи. К работам подобного плана, несмотря на типологичность и идеологическую «выдержанность» подобных публикаций, могут быть отнесены юбилейные издания, посвященные рубежным и памятным датам в истории Адыгеи¹⁰.

Первостепенное значение имели монографии по различным проблемам истории Адыгеи: политическим, социально-экономическим, культурно-историческим, позволяющие судить об исследовательских приоритетах этих

⁸ До окончания Кавказской войны — Черкесия, после вхождения в состав Российской Империи — в составе Кубанской области, Советский период — Адыгейская автономная область.

⁹ Сиюхов С. Черкесы-адыге. Историко-бытовой набросок // Известия ОЛИКО. Краснодар, 1922. Вып. VII; Хакурате Ш-Г.У. Адыгея за 10 лет. Краснодар, 1932; Аутлев П.У. Адыгея в летописи социализма (1917-1958). Майкоп, 1958; Хоретлев А. Адыгея под знаменем ленинизма. Майкоп, 1960; Адыгея под знаменем ленинизма. Майкоп, 1970; Адыгейский НИИ экономики, языка, литературы и истории. Исследования по истории адыгов. Советский период. Майкоп, 1976.

¹⁰ 40 лет автономии Адыгеи / Под общ. ред. А.Ц. Аутлева и Д.Г. Костанова. Майкоп, 1962; Октябрем озаренная. Адыгея за 50 лет. Сборник. Майкоп, 1967; Пчентлешев К.А. Автономии Адыгеи 45 лет. Майкоп, 1967; Советская Адыгея к 50-летию образования СССР. Статистический сборник. Майкоп, 1972; Советская Адыгея за 60 лет: статистический сборник. Майкоп, 1982.

базовых проблем¹¹. Именно привлеченные источники позволяют понять исследовательскую позицию авторов, степень влияния существующих концепций на его взгляды и выводы. Критическому анализу подвергались научные и публицистические статьи, опубликованные в сборниках, в журналах, в газетах, в которых мобильно освещались взгляды авторов по наиболее актуальным или политически значимым вопросам истории Адыгеи.

Особое место в ряду источников занимают доклады, сообщения и тезисы конференций¹². Именно в них находят отражения спорные, дискуссионные вопросы.

В историографическом источниковедении признается важность рецензий на опубликованные работы историков, отражающие не только значимость тех или иных исторических трудов, но и характер сложившихся в обществе представлений о месте и роли исторической науки.

Особое место в ряду историографических источников играют диссертационные работы¹³. Именно они позволяют судить о возникновении

¹¹ Римский Л. Адыгея в боях за сплошную грамотность. 1931; Бурнышев А. Культура, рожденная Октябрем. Майкоп. 1958; Джимов Б.М. Социально-экономические отношения и крестьянское движение в Адыгее в XIX веке (до 1870 года) / Ученые записки. Адыгейский НИИ языка, литературы и истории. Т. IV. Майкоп, 1965; Установление Советской власти и национально-государственное строительство в Адыгее (1917-1923 гг.). Сборник документов и материалов. Под редакцией М.Г. Аутлева. Майкоп, 1980; Адыгея: историко-культурный очерк. Ч. I. (Составитель - Хаджибиеков Р.). Майкоп, 1989.

¹² Шеуджен Э.А. Проблемы северокавказской историографии // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы I съезда ученых-кавказоведов (27–28 августа 1999 г.). / Под ред. В.Г. Игнатова. Ростов н/Д., 2000; Цикушева С.Я. Становление исторического знания на Северо-Западном Кавказе (первая половина XIX в.) // Наука. Образование. Молодежь. Материалы научной конференции молодых ученых АГУ (6 февр. 2004 года), Том 1. 2004.

¹³ Аджиева З.И. Формирование национальной бюрократии в автономных образованиях РСФСР в первые десятилетия Советской власти: (на материалах Карчаево Черкесии) (1920-1941 гг.): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Пятигорск, 2008; Караева А.А. Сельское хозяйство Карачая и Черкесии накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939-1943 гг.): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Пятигорск, 2008; Шавлохова Е.С. Централизация государственного управления на Северном Кавказе во второй половине XIX - первой четверти XX в.: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Пятигорск, 2009; Аутлев Д.М. Военное дело у адыгов и его трансформация в период кавказской войны (XVIII-60 гг. XIX вв.): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук.

новых направлений, о владении теорией и методологией, о стереотипах сложившихся представлений, об уровне профессиональной подготовки научных кадров.

В проведенном исследовании привлекалась литература научно-справочного характера, а также учебная и научно-популярная литература¹⁴. Эти материалы опосредованно отражают характер историографического процесса, способствуют систематизации полученных историками исследовательских результатов.

Наряду с типологичными историографическими источниками в работу вошли материалы, извлеченные из фондов Национального архива Республики Адыгея¹⁵.

Комплекс привлеченных источников позволил реализовать поставленную в диссертационной работе цель, создать специальное исследование, отразившее сложный процесс становления и развития

Майкоп, 2009; Абрегова Н.В. Становление и развитие местного самоуправления в адыгском обществе в 1917 - начале 1920-х годов: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Пятигорск, 2010; Багамаева Д.М. Народы Северо-Западного Кавказа во взаимоотношениях России с Османской империей (конец 60-х гг. XVIII - 20-е гг. XIX вв.): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Махачкала, 2010; Скибицкая И.М. Завершение Кавказской войны (1860-1864 гг.): военно-политические и социальные аспекты: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Краснодар, 2011; Гутиева М.А. Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 1921-1939 гг.: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Астрахань, 2011; Козаев П.К. Нартовский эпос как исторический источник: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Владикавказ, 2011; Остахов А.А. Состояние военного искусства у адыгов XV – XIX вв.: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Пятигорск, 2011; Басиева З.М. Черкесия в системе международных отношений (1829-1856): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Владикавказ, 2013; Меняйлов А.А. Индустриализация аграрных регионов Северного Кавказа в 1900-1930-е гг.: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Пятигорск, 2013.

¹⁴ Балашов В.А., Юрченков В.А. Историография отечественной истории (1917 - начало 90-х гг.). Учебное пособие. Саранск, 1994; Румянцева М.Ф. Теория истории. Учебное пособие. М., 2002; Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Россия. Иллюстрированный энциклопедический словарь. М., 2004. С. 112.

¹⁵ НАРА Ф. Р.-1127. Оп. 1. Д. 128, 137, 149, 276, 309, 312; Ф. Р.-1146. Оп. 1. Д. 4, 13, 25, 33, 84-88, 104-106, 123, 125; Ф. Р.-1127. Оп.1. Д. 2, 6, 15, 49, 97, 128, 137, 149, 276, 309, 312.

исторического знания в Адыгее, показав сильные и слабые стороны накопленного опыта.

Методологическая основа исследования. В конце 1980-х гг., в условиях кризиса историографии советского периода, начался активный поиск новых историко-методологических концепций объяснения прошлого. В результате марксистский подход в значительной степени утратил свои позиции, уступив место цивилизационной (социокультурной) концепции российской истории.

Методологическую основу диссертации составляют современные представления о принципах и методах историографического исследования. Методология работы опирается на принципы объективности, историзма, системности, ценностный. Их применение позволяет рассматривать в динамике процесс формирования исторического знания. Важной составляющей научного познания в историографии является взаимодействие принципа объективности и субъективного, что требует, с одной стороны, отражения реальных условий развития науки, а с другой - выявления авторской позиции.

В работе использовались **историографические методы** научного познания, под которыми понимается совокупность способов изучения прошлого исторической науки: проблемно-хронологический, периодизации, сравнительно-исторический.

Научная новизна диссертации определяется характером объекта и предмета исследования:

– впервые на основе современных теоретико-методологических подходов проведен комплексный анализ процесса становления и развития историографии в Адыгее;

– в соответствии с этапами развития исторического знания по исследуемой проблеме в дореволюционный и советский периоды систематизированы теоретические концепции, критически осмыслены содержание и специфика периодов;

– выявлены изменения источниковой базы исследований, динамика совершенствования научных методов;

– проанализировано воздействие внутренних и внешних факторов на интенсивность научных исследований и их методологию.

Научно-практическая значимость определяется насущной необходимостью для историков, государственных и общественных деятелей составить объективное представление о становлении и развитии исторического знания.

Полученные результаты могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов, посвященных истории и историографии Северного Кавказа, при разработке соответствующих разделов лекционных курсов и семинаров по кавказоведению. Рекомендации, содержащиеся в диссертации, могут быть учтены при определении перспективной тематики научных исследований.

Апробация полученных результатов. Основные положения и выводы диссертации отражены в статьях, докладах и тезисах выступлений на международных, всероссийских, региональных научных конференциях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, примечаний и библиографии. В основу структурирования работы положен проблемно-хронологический принцип изложения материала.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, выявляется степень изученности проблемы, определяются объект и предмет исследования, территориальные границы и хронологические рамки, формулируются цель и задачи исследования, анализируется состояние источниковой базы, излагаются методологические принципы, раскрывается научная новизна, обоснована структура диссертации, ее практическая значимость, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Общие подходы к пониманию историографического процесса в Адыгее»** исследуются теоретико-методологические проблемы, дающие обобщенное представление об уровне, направленности, общих тенденциях и особенностях развития исторического знания в Адыгее.

Первый параграф **«Определяющие тенденции и особенности развития исторического знания»** посвящен изучению историографического процесса на материалах конкретного региона, требующего от исследователя ответа на вопрос каким образом локальный историографический процесс соотносится с явлениями типичными для исторического познания, характеризуется общими тенденциями, развиваясь в русле общих идей и направлений. При этом проведенное исследование свидетельствует, что возможны оригинальные варианты, обусловленные особенностями историко-культурного развития народов.

В последние десятилетия теоретические вопросы северокавказской истории привлекают все большее внимание историков, философов и социологов. О состоянии разработки проблем теории и методологии истории свидетельствуют тематически ориентированные сообщения на Первом (14-15 октября 2013 г.) и Втором (14-15 октября 2014 г.) форуме историков-кавказоведов.

Пространственной особенностью развития исторического знания в Адыгее является его «вписанность» в Северо-Кавказский регион. В связи с этим возникает вопрос о корректности применения понятия «историография Адыгеи»: с сер. XVIII – до 20-х гг. XX вв. это территория Северо-Западного Кавказа исторически занимаемая адыгами, затем административно-территориальное образование – Адыгейская автономная область, в настоящее время Республика Адыгея. Подобная конфигурация исследовательского пространства обуславливает методологические и понятийно-терминологические сложности. При этом «связывающим» началом является наличие типологических признаков общности

деятельности людей данного пространства: историческое прошлое, опыт освоения территории, взаимопроникающие контакты национальных культур.

Принципиально важное значение имело то, что адыги фактически до 20-х гг. XX в. не имели письменности, сохраняя память о событиях исторического прошлого в устной традиции. Именно «эпическая модель истории» стала для них важнейшим способом хранения информации, источником коллективных исторических представлений. Фактически весь предшествующий век был периодом упрочения основ письменной традиции. Исследователи, опираясь на данные фольклористики, археологии, этнографии, лингвистики, смогли восстановить многие сюжеты адыгской истории, сделав их базовой составляющей историографии Адыгеи.

Историографию Адыгеи можно отнести относительно к новому направлению исторического знания. При этом стоит отметить, что она зародилась как практика историописания и прошла сложные этапы развития под влиянием идей романтизма, позитивизма, марксизма и в настоящее время находится, как и вся российская историография, в поиске научных концепций, позволяющих более адекватно репрезентировать историческое прошлое.

Документальная основа истории Адыгеи представляет во многом типичную конструкцию, складывается из свидетельств устной памяти, фрагментарных сообщений «извне», документов, отложившихся в центральных и местных архивах, данных археологических и этнографических исследований. Однако при этом заметно отстает уровень источниковедческого анализа: историки с полным доверием относились к свидетельствам источников, как правило, не подвергая их критическому анализу.

В центре внимания автора диссертации принципиально значимые изменения в развитии исторического знания — появление новых исторических идей, исследовательских направлений; освоение нового корпуса исторических источников; овладение рациональными

исследовательскими приемами, методами и методиками, что способно придать новый импульс развитию исторического знания в Адыгее.

Во втором параграфе **«Основные этапы историографического процесса»** предложена и обоснована периодизация процесса развития исторического знания в Адыгее, что потребовало теоретико–методологического осмысления явлений различного уровня и значимости. Исходя из обозначенной постановки проблемы, важно было понять, какие качественные показатели наиболее адекватно фиксируют историографический процесс. В результате удалось выявить достаточно широкий круг составляющих: появление новых исторических концепций; развитие исследовательской проблематики; типологию исторических сочинений; введение в исторический оборот новых источников; совершенствование приемов и методов аналитической работы.

С учетом предложенных подходов и корректирующих моментов (исключение периода устной традиции и интереса к истории народа «извне») в процессе развития исторического знания в Адыгее можно выделить качественно различные периоды, в основе которых лежат характерные, типологические особенности, отражающие зарождение и развитие новых явлений, кардинально изменивших историографическую ситуацию, обеспечивших переход к качественно новому состоянию.

К первому периоду может быть отнесен продолжительный период (вторая половина XVIII в. - первые два десятилетия XX в.), характеризующийся зарождением «исторического интереса», накоплением различного вида свидетельств о событиях отдаленного и не столь отдаленного прошлого. Конечно, когда мы говорим о зарождении исторического знания в Адыгее, в этом есть определенная условность: речь идет лишь о фиксации отдельных исторических сведений об адыгах (черкесах).

Для адыгов, как и других народов Северного Кавказа, в эти годы как бы совместились два «разорванных» Кавказской войной периода. Несмотря на трудности перехода в новую систему отношений, явственно проявлялось

такое явление, как «культурные ожидания» (просветительство, краеведческое движение, стремление населения к получению образования).

Второй период развития историографии достаточно органично вписывается в хронологию советской истории, с учетом некоторых подвижек, обусловленных особенностями общественного и историографического процесса. Революционные события 1917 г. в России наряду со значительными изменениями в политической и социально-экономической сферах обусловили глубинные процессы в духовной жизни и историческом сознании народов страны, благодаря которым народы, этнические сообщества стали осознавать смысл и значимость исторического опыта.

Именно в эти годы историография Адыгеи приобрела черты научного направления исторического знания, на смену отдельным энтузиастам пришли профессиональные историки, сложилась исследовательская проблематика, в научный оборот был введен значительный корпус архивных документов, опубликованы обобщающие работы по истории народов Северного Кавказа и Адыгеи. В то же время, развитие исторической науки осложнялось партийно-идеологическим «руководством» научными исследованиями, стремлением вписать их в прокрустово ложе формационной концепции, сознательным разрывом с предшествующей исследовательской традицией.

Несмотря на объективные и субъективные трудности, в исторической науке Адыгеи сложились исследовательские направления в течение многих лет сохраняющие важное консолидирующее значение: общие проблемы истории адыгов, этнография, археология, социально-экономическая история, военная история, проблемы национально-государственного строительства. Конечно, это лишь магистральные линии освоения истории народов Адыгеи: разработка проблем идет более широким фронтом, но далеко не всегда с трудом намеченные подходы закрепляются в историографии, находят последователей и оппонентов.

Учитывая накопленный опыт важнейшим смыслом современной

исторической науки должно стать стремление к обобщению как позитивного, так и негативного исследовательского опыта. За прошедшее время историческая наука в Адыгее пережила глубокую внутреннюю трансформацию: сменялись поколения историков, видоизменялись предмет и способы исторического познания, определялось отношение к документальным свидетельствам, утверждалось понимание значимости знания о прошлом.

Вторая глава **«Зарождение исторического знания: складывание исследовательской традиции».**

В первом параграфе **«Исходный уровень: фрагментарная реконструкция истории адыгов»** изучается процесс зарождения исторического знания, причины возникновения интереса к адыгской истории. Важной составляющей структуры исторического знания об адыгах стала информация, вошедшая в сочинения европейских, арабских, турецких, русских авторов. Их общими усилиями закреплялось представление об адыгах и их стране.

Важно отметить, что несколько поколений исследователей при реконструкции адыгской истории имели дело с источниками, в которых доминирует взгляд «извне», что порождает серьезные методологические трудности, учитывая, что эти источники отражают различные культурные традиции (христианские и мусульманские); особые стили мышления (купцов, миссионеров, ученых, путешествующих аристократов); языковые особенности. Тем не менее, можно утверждать, что благодаря им закреплялась традиция изучения истории адыгов.

В первой половине XIX в. сложились обстоятельства определившие появление исторических произведений, созданных адыгами. Особое место среди работ, опубликованных в эти годы, занимали обобщающие исследования Ш. Ногмова и Хан-Гирея. Их создание стало переломным моментом, отразившим первые достижения в написании истории адыгов и в целом процесс становления кавказоведения. Решая сложные проблемы,

авторы не избежали противоречий и ошибочных суждений. Тем не менее, значимым является сам факт перехода к письменной фиксации исторических событий.

Второй параграф **«Практика историко-этнографических описаний»**. Для реконструкции истории бесписьменных народов особое значение имеет опыт проведения этнографических обследований, объем и характер выявленных, описанных и введенных в научный оборот материалов. По мере вхождения Северного Кавказа в сферу интересов России, заметно усиливался интерес к истории и этнографии этого региона. Такие известные ученые, как Н.Ф. Дубровин, П.И. Ковалевский, Ф.И. Леонтович, Л.Г. Лопатинский, Л.Я. Люлье, В.Ф. Миллер, П.К. Услар, Ф.И. Шегрен не только с научными целями посещали этот регион, но и жили среди горцев, исследуя историю народов.

Благодаря их усилиям закладывались основы российского кавказоведения. С усилением административных, хозяйственных и культурных контактов центра и региона важным каналом распространения сведений о горских народах становится русская периодическая печать. На страницах журналов «Русская старина», «Русский вестник», «Вестник Европы» систематически публиковались этнографические описания, путевые заметки, очерки по малоизвестной истории северокавказских народов.

В исследовательский процесс все более вовлекались историки Кубани и местная интеллигенция, «любители древностей». В «Известиях Общества любителей изучения Кубанской области», «Кубанских областных ведомостях» и других краевых изданиях систематически публиковались статьи по истории и этнографии адыгов. Значительный объем краеведческих материалов по географии, природным ресурсам, экономике, археологии, этнографии, истории Кубани и отдельных населённых пунктов размещался на страницах научно-краеведческого издания Кубанского областного статистического комитета «Кубанский сборник».

XIX столетие стало переломным не только в исторической судьбе народов Северного Кавказа, но и в становлении российского кавказоведения. Реакцией на своеобразие «горского мира» стало стремление русских ученых более глубоко осмыслить историю народов региона. Основная деятельность по собиранию этнографического материала сосредоточивалась по преимуществу в двух учреждениях: в Академии наук, посылавшей экспедиции, издававшей крупные этнографические труды, и в Географическом обществе и его Кавказском отделении, собравшем обширные этнографические материалы. Среди комплекса исторических проблем особое внимание привлекали вопросы общественно-политического устройства адыгов, Кавказская война, проблема махаджирства, история ислама.

При рассмотрении комплекса исторических проблем, оказавшихся в центре внимания авторов первых работ по истории адыгов, становится очевидным, что в нём присутствовало два уровня вопросов: естественного хода исторического развития адыгов и привнесённых экстремальными условиями, в данном случае Кавказской войной. Несмотря на ограниченные возможности для исследований, обусловленные как социально-политической ситуацией, так и общим уровнем развития кавказоведения был намечен достаточно широкий круг проблем, сохранивших в дальнейшем свое научное значение.

Третья глава **«Опыт развития историографии советского периода».**

В первом параграфе **«Организационные преобразования и развитие краеведения»** исследуется рубежный этап в процессе становления исторического знания в Адыгее (20-е гг. XX в.). В это время, несмотря на кардинальные изменения, произошедшие в стране, на «местном уровне» продолжали проявляться черты, характерные для начального этапа становления исторического знания. Однако на смену отдельным энтузиастам, занимавшимся проблемами истории, пришли научные центры, ориентированные непосредственно на изучение истории северокавказских народов.

Выраженное влияние на развитие исторического знания в северокавказском регионе, приобрело создание в стране различных научных центров, занимавшихся разработкой проблем северокавказской истории. В 1919 г. в Петрограде была создана Российская академия истории материальной культуры, ставшая крупнейшим научным центром кавказоведения. Академия ставила ряд научных задач: масштабные исторические исследования памятников материальной культуры; изучение генезиса и развития материальной культуры; проблемы охраны исторических памятников. Результатом ее деятельности стала публикация в академических изданиях результатов работы экспедиций на Северный Кавказ, содержащих ценные исторические сведения.

В 1920 г. Комитет по изучению языков и этнических культур народностей Востока организовал работу экспедиции среди терских казаков, черкесов, чеченцев, ингушей, дагестанцев и абхазов. В 1926 г. Комитет был переименован в Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов Востока СССР. В нем работали известные кавказоведы: Б.Ф. Миллер, Н.Ф. Яковлев, В.И. Абаев и др. Важнейшей стороной деятельности института стали экспедиционные исследования: были организованы десятки экспедиций в Абхазию, Адыгею, Кабардино-Балкарию, Осетию, Ингушетию, Чечню, Дагестан.

Краеведение стало сферой, в которой органично соединялись интересы научного поиска, практического использования полученных результатов и предметной культурно-просветительской деятельности. Значительное место в истории, археологии и этнографии Кавказа занимала деятельность открытого в 1924 г. в Москве Центрального музея народоведения, в Кавказском отделе которого работали Н.Ф. Яковлев, Е.М. Шиллинг и др. Благодаря деятельности подобных центров Адыгея попадала в сферу интереса авторитетных научных организаций.

При этом экспедиционное изучение края осуществлялось не только научно – исследовательскими центрами, но и созданными «на местах»

краеведческими организациями, а нередко и просто грамотными людьми. Достаточно широко ставился вопрос о привлечении студентов к экспедиционной и краеведческой работе. Этим путем предполагалось расширить сферу участия немногочисленной интеллигенции в изучении истории, экономики и культуры края.

В современной историографии сложилась недооценка начального этапа становления исторической науки на Северном Кавказе. Несмотря на наличие широкого круга разнообразных источников (статистических материалов, отчетной документации, текущего делопроизводства научных организаций), накопленного опыта изучения важных проблем, исследователи считают эти годы периодом, не оказавшим заметного влияния на становление исторической науки, так как исследовательская деятельность, по их мнению, в основном ограничивалась «выявлением и сбором документальных архивных материалов» или сводилась к проведению «научных экспедиций, организуемых Академией наук и центральными ведомствами».

При этом в должной степени не учитывается, что именно в эти годы усилиями краеведческих организаций и отдельных энтузиастов была проделана значимая исследовательская работа по истории и этнографии, налажено сотрудничество с научными центрами и известными учеными, собран и систематизирован значительный фольклорно-этнографический материал, изданы работы по истории и этнографии. В то же время нельзя не отметить негативного влияния усиливающейся в последующие годы политизации научной деятельности. Откровенно нарушая интеллектуальные нормы научного сообщества, власть стремилась полностью подчинить интеллигенцию своему влиянию. В результате многие проблемы представлялись вне реального контекста, а их обсуждение теряло признаки научной дискуссии.

Говоря о состоянии исторического знания в Адыгее в 20-е гг. XX в., необходимо отметить, «переходность» данного этапа: с одной стороны активно развивались и поддерживались традиции инициативных

исследований местных краеведов; то время как с другой предпринимались меры к установлению контроля за направленностью проводимых исследований путем создания Обществ, комиссий и в целом усиления участия советских органов в планировании, целевой направленности публикации.

Второй параграф **«Типологические черты историографии на уровне административно-территориального образования»** отражает наиболее сложный этап развития советской историографии (30-50 гг. XX в.). Именно в этот период сформировались характерные для исторического знания черты и особенности: произошло утверждение марксистско-ленинской методологии, усилился партийно-государственный контроль за деятельностью историко-научного сообщества, произошла реорганизация научных центров, изменилась направленность исследовательской проблематики, повысился интерес к историческим источникам. При этом, все более явно проявлялся «разрыв» между сложившейся исследовательской традицией и требованиями новой власти относительно изучения исторического прошлого народов.

Определяющее влияние на процесс развития исторического знания оказывала марксистская, точнее марксистско-ленинская теория познания. В развитии всех стран и народов, при всем разнообразии составляющих их событий, политических порядков, воззрений и верований марксизм ориентировал исследователей на выявление однородных черт поступательного общественного развития, независимо от исходного уровня. Уже в самом подходе «закладывалась» догматизация представлений о характере и направленности исторического процесса.

Проведенный анализ исторических публикаций данного времени свидетельствует об усилиях авторов, направленных на освоение марксистской методологии, стремлении подчинить фактический материал базовым марксистским положениям, привести в соответствие с процессами, происходившими в стране и ставшими предметом изучения историков-

марксистов. Однако это стремление далеко не всегда удавалось реализовать, учитывая состояние исторического знания, недостаточную общеобразовательную, в первую очередь, «идеологическую» подготовленность «местных» кадров. Принципиально значимые изменения наиболее явственно проявлялись в исследовательской проблематике.

С конца 30-х гг. направленность, границы и идеология проводимых в стране исследований в основном определялись подходами официально закрепленными в изданном в 1938 г. «Кратким курсом истории ВКП (б)», дававшим искаженную историческую ретроспективу, преследовавшим, прежде всего, политические цели, направленные на закрепление «культы личности».

В ряд первостепенно значимых выдвигались темы, связанные с революционным движением «трудящихся масс», «национально-государственным строительством», «подъемом социалистической экономики и культуры Адыгейской автономной области». Наиболее типологичными в этом отношении были юбилейные издания, задающие тон и направленность исследованиям. «Великая Октябрьская социалистическая революция, - подчеркивалось в одном из таких изданий, - ознаменовавшая собой глубочайший поворот в общественном развитии... через все декреты и постановления Советского правительства красной нитью проходят идеи равноправия наций, защиты прав малых и слабых наций и народностей на свободу и национальную независимость»¹⁶.

В данном тезисе отразилось несколько принципиально значимых моментов: во-первых, Октябрьская революция представала как «глубочайший поворот»; во-вторых, недвусмысленная ориентация на официальные документы Советского правительства; в-третьих, особая значимость решения национального вопроса.

¹⁶ Адыгейская автономная область. Посвящается 25-летию автономии Советской Адыгеи. 1922-1947. Майкоп, 1947. С. 16.

Не столь кардинально, как в центре страны, но и в Адыгее происходило преобразование организационных основ исторического знания. Наиболее значимое место занимал претерпевший структурные изменения Адыгейский научно-исследовательский институт экономики, языка, литературы и истории. В 1932 г. в институте работали пять секций: общественно-экономическая, производительных сил и промышленности; сельского хозяйства; языка и литературы; социально-культурного строительства; истории и этнографии. При этом общественно-экономическая секция занимала центральное место, что определялось марксистским подходом и задачами строительства социализма, обусловившими первостепенную значимость экономических проблем. В то время как гуманитарные секции: языка и литературы, истории и этнографии носили прикладной характер и в известной степени поддерживали существовавшую традицию разработки историко-культурологических проблем.

Ежегодно отделы института получали конкретные задания, отражавшие идеологизацию исторической тематики и прагматизацию проводимых исследований. Так, в 1934 г. в план работы отдела истории и этнографии вошли такие проблемы, как: «Борьба адыгов за национальную независимость. Черкесия как объект военной политики мировых держав в XVIII—XIX столетиях», «Феодальный строй адыгов», «Адат у адыгов», «Адыгее в Гражданской войне на Кубани», т.е. в ряду исследовательских тем преобладали политически ориентированные вопросы.

Наиболее заметно преемственность развития исторического знания проявилась в интересе к проблеме культурного строительства в национальных регионах Северного Кавказа и, в частности, в Адыгее. Объясняется это привлекательностью политики советской власти в этом направлении: развитие школьного строительства, ликвидация массовой неграмотности и малограмотности населения, создание письменности и национальной печати.

С начала 30-х гг. систематически стали издаваться работы, посвященные деятельности советской власти в сфере культурного строительства. При этом активно привлекался статистический материал, служащий подтверждением позитивных количественных изменений (число школ, изб-читален, пунктов ликвидации безграмотности, библиотек, «Домов горцев», клубов и т.п.).

На состоянии и уровне развития гуманитарных наук, в том числе исторической, сказывалось общее ухудшение общественно-политической обстановки в стране и исторической науке. «Академическое дело» стало толчком к развертыванию критики исторических работ, обвинению их авторов в «национализме» и отходе от партийной линии в «национальном вопросе». Политические чистки, повлекшие репрессии, затронули и северокавказские исследовательские центры. В частности, уголовному преследованию были подвергнуты И.Х. Барона (первый директор института) и М.К. Хуажева (директор института). В результате ряд уже написанных работ не был опубликован.

Тем не менее, несмотря на объективные трудности, происходило постепенное расширение организационных основ, обусловивших поступательное развитие исторического знания. С 1940 г. в области, наряду с Адыгейским научно-исследовательским институтом, функционировал Майкопский учительский (впоследствии Адыгейский педагогический) институт, немногочисленные преподаватели которого занимались в основном пропагандой знаний по истории Коммунистической партии и отечественной истории советского периода.

В годы Великой Отечественной войны историографический процесс по объективным причинам утратил динамику развития. При чем, если в целом в стране исследования продолжались, приобретая агитационно-идеологический характер, то в Адыгее для развития данного направления не было кадрового и материального потенциала. Однако в послевоенное время проблемы Великой Отечественной войны приобрели одно из первостепенных значений.

В послевоенные годы была продолжена практика юбилейных изданий, посвященных очередным годовщинам Октябрьской революции или автономии Адыгеи. Данные работы носили обзорный характер и отражали достижения Адыгейской автономной области «на фронте социалистического строительства» (культура, народное хозяйство: промышленность, сельское хозяйство, животноводство). При этом выделение временных этапов (пятилетних, десятилетних) позволяло поддерживать идею поступательного социально-экономического и культурного развития области.

В 50-е гг. произошли принципиальные изменения в кадровом составе сообщества историков Адыгеи, что обусловило складывание значимых научных направлений. Прежде всего, следует отметить успехи, достигнутые в изучении археологических памятников Адыгеи, дальнейшее развитие получила традиция сбора и систематизации местного историко-этнографического материала. Но несмотря на научную значимость этих исследовательских направлений, все большее внимание уделялось изучению проблем, имевших особое общественное и идеологическое значение.

В целом, 30-50-х годов XX в. можно считать важным этапом на пути становления советской историографии в Адыгее. К концу этого периода в историческом знании произошло утверждение типологических черт советской историографии: господство единой марксистской методологии, политизация исторического знания, догматизация исторической проблематики. Однако в то же время заметно проявлялись тенденции, свидетельствующие о развитии исторической науки: заявили о себе научные центры, появились новые кадры профессиональных историков, произошло расширение круга исследовательских проблем, упрочили позиции научные направления, проявился интерес к выявлению и публикации источников.

Третий параграф **«Успехи и трудности развития исторического знания в Адыгее: влияние стагнационных и кризисных проявлений».**

Опыт развития историографии 60-80-х гг., отражает во многом противоречивые процессы: с одной стороны происходило утверждение

типологических черт профессиональной историографии, в то время как с другой господство единой марксистской методологии приводило к стагнации исследовательской проблематики и методологии.

Систематически принимаемые партийные решения в связи с революционными и памятным датами устанавливали «ориентиры» для проводимых исследований. В результате местные историки стремились придать изучаемым явлениям общесоюзное значение, преувеличивая масштабы происходивших событий. Это относится к исследованиям по политическим, социально-экономическим и даже историко-культурным процессам: «Адыгея под знаменем ленинизма», «Октябрем озаренная» и т.п. Так называемая «дореволюционная» история народов явно не вписывалась в концепцию «расцвета и сближения народов многонационального государства».

В наиболее выраженном виде принципиально значимые изменения, отразившие концептуальные особенности процесса развития исторического знания в Адыгее нашли отражение в издании юбилейных работ¹⁷, как правило имеющих выраженную идеологическую нацеленность, однотипную структуру, иллюстративный «набор» позитивных фактов. К этому времени в историографии упрочилась традиция изучения исторического прошлого в четко очерченных административно-политических границах отдельных республик и областей.

В работах подобного вида находили отражение революционные события в Адыгее, мероприятия коммунистической партии и советского правительства по созданию Адыгейской автономной области, усилия направленные на ликвидацию экономической и культурной отсталости народа. Идеологическая направленность исторических работ издаваемых в

¹⁷ 40 лет автономии Адыгеи. Под общ. ред. А.Ц. Аутлева и Д.Г. Костанова. Майкоп, 1962; Октябрем озаренная. Адыгея за 50 лет. Сборник. Майкоп, 1967; Пчентлешев К.А. Автономии Адыгеи 45 лет. Майкоп, 1967; Советская Адыгея к 50-летию образования СССР. Статистический сборник. Майкоп, 1972; Советская Адыгея за 60 лет: статистический сборник. Майкоп, 1982.

стране не могла не ориентировать исследователей на односторонне положительное видение происходивших процессов национально-государственного строительства.

Анализ публикаций этого периода позволяет наглядно представить проблемы и трудности стоявшие перед сообществом историков в эти годы: стремление «обойти» острые проблемы, ограничиться уже апробированным кругом источников. Проблематику исторических исследований данного периода условно можно разделить на две группы: во-первых, группа проблем носившая «естественный» характер, то есть проистекавших из логики развития исторической науки (комплекс вопросов, которые ранее были изучены в недостаточной степени, либо не изучены вообще, но являвшиеся по своей природе актуальными, органично вписывавшиеся в процесс развития исторического знания в Адыгее); во-вторых, круг проблем, обусловленных требованиями идеологии, призванных популяризировать официальные позиции власти.

Систематически принимаемые партийные решения устанавливали официальную систему координат, в рамках которой следовало проводить исследования исторического прошлого народов «многонационального» государства. Как правило, схема наполнялась различным «национально-ориентированным» содержанием, но от этого не переставала быть схемой, омертвляя, догматизируя живое восприятие истории.

При этом историки, исходя из идеологических требований, стремились «подтянуть» тематику и структуру работ до уровня исследований по истории России, что неизбежно придавало «местной» историографии «подражательный» характер. В равной степени это относилось к исследованиям по политическим, социально-экономическим и, что особенно алогично, к историко-культурным процессам.

Тем не менее, в период 60-80-х годов XX века произошли заметные подвижки в развитии исторического знания в Адыгее. В основном они отражали количественные изменения (рост числа публикаций историков,

защитивших кандидатские и докторские диссертации), но в сложившихся условиях эти показатели вступали в противоречия с уровнем исследования сложнейших проблем истории народов многонационального региона: адыгов, русских, казачества.

В целом, господство единой марксистской методологии, широкое распространение иллюстративно-цитатнического метода, догматизации исторической проблематики приводило к снижению научного уровня проводимых исследований. Давала о себе знать и самоизоляция от «зарубежной» исторической науки: из-за оторванности от традиций и опыта мировой историографии, категорического отторжения новых модернистских направлений, все более явственно проявлялись застойные, кризисные явления, преодоление которых и сегодня остается первостепенной задачей.

В заключении подводятся итоги проделанной работы и формулируются основные выводы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Несмотря на объективные и субъективные осложнения, процесс развития исторического знания в Адыгее носил поступательный характер;
2. Устная традиция может быть рассмотрена как важная основа на этапе становления исторического знания у бесписьменных народов;
3. Историографический процесс отражал как общие характеристические черты развития российской исторической мысли, так и конкретные особенности, связанные с историко-культурными особенностями развития народов данного региона;
4. Историческое краеведение стало не только показателем роста национального самосознания, но и отражало направленность на прагматизацию исторической науки;
5. Марксистская методология, привнесшая господствующую в историографии советского периода концепцию, оказала определяющее влияние на тематику региональных работ, обусловив акцентуацию внимания на проблемах национального строительства;
6. Опыт развития исторического знания в Адыгее, как позитивный, так и негативный, может стать объективным условием выхода на современный уровень научного познания.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в реферируемых изданиях ВАК:

1. Шхачемуков, Р.М. Социальный портрет Республики Адыгея в советский период / Р.М. Шхачемуков // Вестник Южного научного центра Российской Академии наук. М.: Наука, 2013. - Том 9. № 3. - С. 124-130. (0,44 п.л.).

2. Шхачемуков, Р.М. Гражданская война в России (1917-1922 гг.): психологические аспекты / Р.М. Шхачемуков, Н.А. Почешхов, Н.А // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – Майкоп: Издательство МГТУ, 2013. - Выпуск № 2. - С. 24-27. (0,25 п.л.).

3. Шхачемуков, Р.М. Адыгская историография: складывание исследовательской традиции / Р.М. Шхачемуков // Вестник Адыгейского университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – Майкоп: Издательство АГУ, 2013. - Выпуск № 3 - С. 57-62. (0,38 п.л.).

Другие публикации:

4. Шхачемуков, Р.М. Тезисы выступлений / Р.М. Шхачемуков // Развитие российской историографии: опыт изучения нетрадиционных источников. Материалы теоретико-методологического семинара учителей истории Республики Адыгея. 28 марта 2013. – Майкоп: Издательство АГУ, 2013. - С. 48-50. (0,19 п.л.).

5. Шхачемуков, Р.М. О периодизации историографического процесса в Адыгее / Р.М. Шхачемуков, Э.А. Шеуджен // Вопросы теории и методологии истории. Сборник статей. - Майкоп: Издательство АГУ, 2013. - Выпуск № 9. - С. 46-60. (0,94 п.л.).

6. Шхачемуков, Р.М. Тематические сборники исторических документов: место в формировании источниковой базы / Р.М. Шхачемуков // Вопросы теории и методологии истории. Сборник статей. - Майкоп: Издательство АГУ, 2011. - Выпуск № 8 - С. 114-119. (0,38 п.л.).

7. Шхачемуков, Р.М. Тезисы выступлений про Э.Л. Коджесау / Р.М. Шхачемуков // Историки Адыгеи. Штрихи к коллективному портрету. Исторические чтения. 28 марта 2012. - Майкоп: Издательство АГУ, 2012. - С. 77-79. (0,19 п.л.).

8. Шхачемуков, Р.М. Шахан-Гирей Умарович Хакурате: опыт историко-биографических исследований / Р.М. Шхачемуков // Диалоги с прошлым: исторический журнал. - Майкоп: Издательство АГУ, 2012. - № 7. - С. 107-109. (0,19 п.л.).

9. Шхачемуков, Р.М. Первое обобщающее исследование по истории Адыгеи / Р.М. Шхачемуков // Материалы IX Международной научной конференции молодых ученых «Наука. Образование. Молодежь». 9-10 февраля 2012. - Майкоп: Издательство АГУ, 2012. - Том 2. - С. 24-27. (0,25 п.л.).

10. Шхачемуков, Р.М. Опыт развития историографии в Адыгее (нач. 20-х — кон. 80-х гг. XX в.) / Р.М. Шхачемуков / Науч. ред. - Н.А. Почешхов. - Майкоп: Издательство АГУ, 2014 - 80 с. (5 п.л.).